

Полковник Гуров

Николай Леонов

Доброе лицо зла

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Доброе лицо зла / Н. И. Леонов — «Эксмо», — (Полковник Гуров)

Похищение человека с целью вымогательства – преступление не рядовое. К тому же отец похищенной девушки – друг и бывший сослуживец Льва Гурова и Станислава Крячко, полковников-сыскарей. Тут важно не спугнуть похитителей, не спровоцировать их на непоправимые шаги. И все-таки сыщики где-то прокололись, иначе как объяснить гибель нескольких человек, попавших в поле их внимания. Жестокий и опытный преступник, не оставляя следов, избавляется от тех, кто хоть что-то знает о похищении. У Льва Гурова есть одна версия – фантастическая по своей парадоксальности: что, если похищенная девушка действует заодно со своими похитителями.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Доброе лицо зла

Пролог

Стоял конец мая. День – прекрасный, свежий – начался с легкого дождя, но еще до обеда тучи рассеялись, показалось солнце.

В ювелирный магазин «Ариадна» на Цветном бульваре зашли двое: высокий темноволосяй парень и девушка, неброско, но дорого и модно одетые. Девушку никак нельзя было назвать красавицей – худощавая, она напоминала фигурой мальчика-подростка. Разве что волосы были роскошные – густые, пушистые, чудесного медно-рыжего цвета. И все же было в ней что-то неотразимо привлекательное. Может быть, секрет обаяния заключался в том, что, проигрывая манекенщицам и фотомоделям с обложек глянцевого журналов, женщины такого типа ничуть не комплексуют по этому поводу. Уверенные в своей привлекательности, они не могут обойтись без того, чтобы не испробовать свои чары на первом встречном, хотя бы официанте в кафетерии или шофере такси. И медноволосая девушка была именно такой.

Правда, сейчас – это читалось в ее взгляде! – девушка хотела очаровывать и околдовывать только одного человека – своего спутника. Она, вне всякого сомнения, была влюблена в него.

Молодой мужчина – на вид ему было лет двадцать пять – действительно выглядел красавцем. Было в его внешности нечто цыганское: темные, почти черные волосы, вьющиеся крупными кольцами, нос с небольшой горбинкой, чувственные красные губы под ниточкой усов. На его лице застыло чуть презрительное выражение непоколебимой уверенности в своих достоинствах и в своем превосходстве над окружающими. В профиль он чем-то походил на известный «Портрет молодого вельможи» Ганса Гольбейна.

– Смотри, Сергей, прелесть какая! – Остановившаяся у витрины с драгоценностями девушка указала мужчине на изящный серебряный кулон с грушевидным зеленым камнем в центре. – Мне бы пошел! Но нельзя, это александрит.

– Так что с того? Почему нельзя? – лениво поинтересовался ее спутник.

– Так александрит же! Вдовый камень... Разве еще вон те сережки купить, они тоже с александритом. Нет, не стоит, я все равно бояться буду!

...Если провести опрос о таинственных свойствах александрита в любой аудитории, от собрания Академии наук до бригады строителей, результаты можно предсказать заранее. Почти все мужчины ничего на эту тему не знают; остальные что-то слышали, но что – не помнят. У женщин соотношение иное: три из четырех сразу ответят, что александрит – вдовый камень, остальные тоже это знают, но застенчивость помешает им ответить. Имеется, правда, противоядие: в одном экземпляре эту драгоценность носить нельзя, а в паре – сколько угодно. Три камня – еще лучше. Четыре – совсем хорошо.

– Это он сейчас зеленый, – продолжала девушка, – потому что в витрине лампа дневного света. И на солнце он зеленым останется. А вот если обычная электрическая лампочка, свечка или факел... Тогда он красный, как кровь! Писатель Лесков про этот камень знаешь как сказал? Что утро у него зеленое, а вечер – кровавый.

– Ну-у, ты эрудитка! – чуть насмешливо протянул мужчина. – Я про такого писателя даже не слышал.

– Зря, что ли, на филфаке учусь? – рассмеялась она. – Писатель, кстати, очень даже ничего.

– Так давай купим, раз тебе этот камешек по сердцу пришелся. Чего бояться? Ты же не замужем...

– Э-э! Долго ли выйти? – проговорила девушка с мечтательной интонацией. – Да не пугайся ты так, Сереженька, я тебя насильно в ЗАГС тащить не намерена. Пока. Но у нас ведь какая следующая ролевуха намечена? Свадьба Оберона и Титании! Ты король эльфов, а я королева. И дуре Машке Иконниковой я эту роль ни за что не уступлю! Уж на этот-то раз я имею полное право выбирать. Разве я не права?

– Права, права, – успокаивающим тоном сказал мужчина, который при упоминании о ЗАГСе чуть заметно поморщился и явно был рад перевести разговор на другую тему. – Конечно, Титанией будешь ты.

– Вот видишь! Так что с александритом мы связываться не будем, мало ли что... Давай еще поищем, нужно что-то зелененькое, к моим волосам будет в самый раз. Диадемку бы небольшую... Зеленое на рыжем будет смотреться стильно! Машка от зависти удавится.

И надо же, отыскалась в «Ариадне» подходящая диадема! Два тонких серебряных обруча, перевивающихся спиралью, а в центре – семь кристаллов поразительной красоты: прозрачные густо-зеленые шестигранные столбики с заостренными вершинками. Яркие искорки так и посверкивали изнутри камней; их цвет, немного отливавший в голубизну, выглядел необыкновенно нарядным.

– А посмотреть поближе можно? – обратилась девушка к продавцу-консультанту, стоящему возле застекленной витрины. – И примерить бы неплохо... Вон ту, с изумрудиками. Серебряную.

– Отчего же нельзя? – Продавец достал диадему из витрины, протянул ее девушке. – Пожалуйста! Вон зеркало в простенке. Только я вас сразу хочу предупредить: это не изумруды! Если бы это были изумруды, вещь стоила бы на порядок дороже.

– Вот как? Неужели камни искусственные? Фианиты синтетические? Тогда нам не подойдет, – разочарованно протянула девушка, которой украшение очень понравилось, и добавила загадочное слово: – Неисторично! Жаль, красивые очень!

– Никакие не искусственные, – живо возразил продавец. – «Ариадна» фианитами и стразами не торгует, мы солидная фирма, у нас все природное! Просто камни разные по цене бывают. Кстати, эти камешки, которые вам понравились, иногда «сибирским изумрудом» называют. Если правильно, по науке, то диоптазом, или аширитом. Жил четыреста лет назад такой Ашир-бей, он первым такой камень в киргизских сопочниках нашел. Диоптаз мягче изумруда и довольно хрупкий, а главное – не такой редкий. Зато очень красивый, это вы верно заметили. И легенда про него есть: глаза черных кошек Хозяйки Медной горы как раз из аширита.

А ведь правда: удивительно похожи были яркие диоптазы на светящиеся в темноте кошачьи глаза.

Девушка подошла к большому зеркалу, застегнула на затылке замочек серебряного обруча, посмотрела на свое отражение. Да, узкая полоска серебра с семью зелеными камнями на редкость эффектно смотрелась среди ее темно-рыжих волос! Девушка широко улыбнулась: сейчас она очень нравилась себе.

– Чем не Титания? – довольно промурлыкала она, поправляя упавшую на лоб прядку.

– Будете покупать? – спросил консультант и добавил совершенно искренне: – Я бы очень рекомендовал, вам необыкновенно идет. Эта вещь словно специально для вас сделана!

– Будем, – решительно ответил темноволосый мужчина, доставая пластиковую кредитную карточку. – «Визу» принимаете к оплате? Очень хорошо.

– Денег у тебя хватит? – несколько рассеянно спросила девушка, которая не в силах была оторваться от зеркала. – Ах, да! Я совсем забыла! После вчерашнего разговора должно хватить. Не жалко на меня столько тратить?

По лукавой нотке, прозвучавшей в ее голосе, можно было догадаться: ни о чем она не забыла. И твердо уверена: не жалко! Пожелай она, так Сергей в десять раз больше потратил бы – на подлинные изумруды. Слишком важной фигурой она становилась, пусть и на время.

Выйдя из магазина с покупкой – диадему девушка так и не сняла! – они пересекли бульвар наискосок и присели на лавочку в небольшом уютном скверике. Бульвар оправдывал свое название – он зарос цветущей махровой сиренью. Она разрослась так густо, что вершины кустов, гнущиеся под тяжестью белых, малиновых, лиловых кистей, срослись между собой. Под сплошным пологом темно-зеленых листьев стоял прозрачный душистый сумрак, а прямо перед облюбованной рыжеволосой девушкой и ее спутником скамейкой раскинулась клумба с ярко-алыми и желтыми тюльпанами. В скверике было малоллюдно: москвичи народ занятой, все куда-то торопятся, даже в воскресный день. Только напротив моложавая бабушка читала толстый журнал, время от времени посматривая сквозь очки на коляску со спящим внуком. Было, по столичным меркам, тихо.

– Красное и желтое, кровь и золото, – задумчиво сказала девушка, не отрывая взгляда от клумбы. – Твои цвета, Сереженька!

– Ты довольна? – спросил он, словно не услышав ее слов, и накрыл ладонью тонкие пальцы девушки. – Видишь, я сдерживаю свои обещания.

Она поглядела на него, собираясь что-то ответить, но не успела. Раздался негромкий треск, и прямо из кустов сирени к их скамейке вышел высокий широкоплечий парень лет двадцати.

Его внешность представляла разительный контраст с внешностью мужчины, которого девушка называла Сереженькой. Он был светловолосым и голубоглазым, с пшеничными бровями и небольшой, но характерной славянской курносинкой. Широкий в кости, плотного телосложения, с несколько тяжеловатой, медвежьей фигурой, которую тесно облегал одежда: джинсы и белая тенниска. Глаза у парня были совершенно шальные.

– Вот вы где, красавцы и красавицы, – баском произнес он. – А я в толк не возьму: куда это вы из «Ариадны» делись? С покупочкой вас! Надо бы обмыть. Хотите, я за пивком сгоняю? Или вы только сухое французское шампанское марки «Ирруа» признаете?

Ни девушка, ни ее спутник при виде этого странного типа не выразили не то что испуга, но даже удивления. Похоже, этой паре далеко не первый раз доводилось с ним встречаться. На лице девушки возникло странное выражение: смесь досады, скуки и – чуть-чуть – вины. Темноволосый Сереженька выглядел совершенно индифферентным, смотрел на парня как на пустое место.

– Следил ты, что ли, за мной, Андрей? – тоскливо спросила девушка. – Что за детство, право слово! Детектив-любитель, нянька добровольная на мою голову... Сколько я могу говорить тебе: прекрати! Я в твоей опеке не нуждаюсь. Мало ли, что было... Быльем поросло, понял, Андрюша?

– Я-то Андрюша, – зло отозвался парень, – я двадцать лет как Андрюша, а вот ты теперь кто такая? Как тебя на этот раз называть? Фунягундой, Белямондой или вообще Паразиндой? Ты с кем, дуреха, связалась и не развяжешься никак?! Не надоели тебе эти психи ненормальные? Нет, ну на кого ты меня променяла? Мы же с тобой десять лет в один класс ходили, мы же...

Девушка не ответила, лишь досада на ее лице проступила еще отчетливей, но Сергей вдруг весело и звонко рассмеялся.

– А как насчет детского садика? – с издевкой спросил он у парня. – Неужели тоже вместе посещали? В одной песочнице сидели, игрушки друг у друга отбирали? Сказать тебе, в чем твое несчастье, Трошин? Она, видишь ли, вышла из детсадовского возраста, а ты – нет. И никогда не выйдешь. Ты, Андрей, та самая маленькая собачка, которая до старости щенок. Простой и понятный, как рубль. И настолько же ценный.

– Ты бы помолчал, а? Нибелунг недоделанный! Это вы все в игрушки никак не наиграетесь! У всех вас с мозгами что-то неладно! – заводясь все больше и больше, сказал парень в тенниске. – Ты-то кто теперь? Эльсвин? Эльхрюк? Эльхряк? Эльхрен?

– Ну-у, поднимай выше! – Разговор, казалось, забавлял Сергея. – Я теперь буду Обероном. Королем эльфов, слышал про такого? А твоя бывшая подруга, соответственно, Титанией. Королевой. Впрочем, откуда тебе, убогому, знать. Ты же за двадцать лет из мировой классики только с «Курочкой Рябой» ознакомился, да и ту бабушка вслух прочитала. Жаль мне тебя, дебила, но глупость, увы, не лечится.

Лицо Андрея запылало ярким, под цвет тюльпанов, румянцем. Он отлично понимал, что происходит: его откровенно провоцируют! Горечь и ненависть еще не успели до конца ослепить его, но он чувствовал: все, край, сейчас сорвется...

– Король, говоришь? – хрипло переспросил он. – Ваше стервятельство? Даю тебе две секунды, Сергей, чтобы встать с лавки. Иначе я тебе сидячему в репу въеду! Раз...

«Два» уже не потребовалось. Одним быстрым, неуловимым движением Сергей оказался на ногах. Лицо его оставалось совершенно спокойным. Странно было другое! Обычно женщины болезненно реагируют на подобные инциденты и стараются погасить разошедшиеся страсти в зародыше. Но девушка с диадемой в волосах не предприняла ни малейшей попытки предотвратить разбор отношений с назревающим мордобоем! На ее лице по-прежнему лежала тень досадливой скуки, словно ей наперед было известно, что сейчас произойдет.

Кулак Трошина, величиной лишь чуть уступавший пивной кружке, пошел точно в ненавистную физиономию Сергея, но встретил пустоту. Темноволосый легко и ловко уклонился от удара, однако сам ударить в ответ и не подумал. Андрей ударил вновь, снизу, апперкотом. С тем же нулевым результатом. Еще раз, еще... В корпус, в голову, снова в корпус! Все удары мимо! Это продолжалось уже около минуты и напоминало бой с тенью. Лицо Трошина налилось багровой кровью, покрылось потом, он тяжело дышал. Несколько раз он чуть не свалился на землю, когда инерция промаха проносила его мимо неуловимого соперника. И хоть бы один удар в ответ, вот что самое обидное... Сергей двигался экономно и точно, с легкостью порхающей над травой бабочки. И дышал совершенно ровно!

Моложавая бабушка, завидев происходящее безобразие, поспешно ретировалась вместе с коляской и недочитанным журналом.

– Кончай дурью маяться, Сереженька! – брезгливо произнесла девушка с диадемой в волосах. – Что за пошлый цирк, мне это надоело! Как бы эта дура милицию не вызвала. Только своры ментов для полного счастья не хватало, давненько мы в отделении не гостили.

– Ну, извини! Чего хочет женщина, того хочет Бог... – спокойным голосом сказал тот Трошину, уходя от очередного размашистого удара. – Сам напросился, Андрейка-неумейка. Отдохнешь малость, очухаешься...

Трошин же совершенно потерял голову от обиды и злости, глаза его налились кровью, как у разъяренного быка. Он вновь кинулся вперед, молотя кулаками воздух.

На сей раз Сергей не стал уклоняться, а нырнул под прямой правый свинг. И совсем несильно ткнул двумя прямыми пальцами правой руки – средним и указательным – чуть пониже грудины Андрея Трошина.

Этого хватило! Андрей коротко охнул, тело его обмякло, точно проколотый воздушный шарик, лицо залила меловая бледность. Он тяжело рухнул на землю рядом со скамейкой.

– Помоги его на лавочку поднять, а то простудится еще, – обратился Сергей к девушке. – Тяжелый, зараза! Когда в себя придет? Да через четверть часика, я ж его нежно.

Глава 1

...Если люди, которые с доисторических времен если в чем и преуспели особо, так это в изобретении новых способов того, как отравить жизнь своим ближним. Речь даже не об оружии!

Что бы ни придумывал пытливый человеческий мозг, всегда у придуманного со временем обнаруживалась темная сторона, которая заставляла чесать в затылке: «Стоило ли придумывать?» Примеры очевидны: Рудольфу Дизелю в страшном сне не привиделись бы жертвы авткатастроф и аварий, братья Райт померли бы от стыда, доведись им чудом узнать о бомбардировках Ковентри и Дрездена...

Или вот сотовая связь. Куда уж вроде полезнее, но иногда думаешь, что лучше бы ее вовсе не было. Потому что стоит откликнуться на вызов, и начнутся сложности пополам с неприятностями.

Такие вот примерно мысли промелькнули в голове у Льва Ивановича Гурова, когда ранним июньским утром он услышал зуммер одного из двух своих мобильных. Сейчас, когда сотовые телефоны пиликают все, что угодно, начиная от «К Элизе» Бетховена в переложении для балалайки с оркестром и заканчивая воплем сексуально озабоченного мартовского кота, самым оригинальным звуковым оформлением вызова становится обычный звонок.

Почему одного из двух? С недавних пор полковник милиции, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ Лев Иванович Гуров вдобавок к одному сотовому телефону завел себе второй. Номер первого был не то чтобы общеизвестен, но особого секрета не представлял, его знал широкий круг знакомых Гурова. Когда Лев Иванович хотел, чтобы его оставили в покое, он этот телефон попросту отключал.

А вот второй мобильник он не отключал никогда и не расставался с ним даже в ванной.

Этот номер знали очень немногие, по пальцам можно было пересчитать. Жена – Мария Строева. Лучший друг и заместитель – Станислав Васильевич Крячко, как и Гуров, полковник и старший оперуполномоченный того же Управления. Начальник Гурова и Крячко, генерал-лейтенант милиции Петр Николаевич Орлов, возглавляющий Управление. Капитан Дмитрий Лисицын из группы обработки электронной информации, близкий приятель Льва и незаменимый помощник во всем, что связано с компьютерами. Еще двое-трое сослуживцев. Несколько человек «со стороны». Все.

Поздравлять полковника Гурова с Новым годом по этому номеру не стали бы, он был предназначен для экстренной связи, для оперативных вызовов. Ясно, что если с милиционером ранга Льва Гурова хотят связаться экстренно, то ничего особо приятного ему почти наверняка не скажут.

Сейчас трезвонил именно этот, тревожный телефон. И полковник Гуров невольно подумал, что лучше бы он молчал. Входящие звонки на этот номер обычно большой радости не приносили. Исходящие – тоже.

А начиналось утро просто замечательно, даром что наступил понедельник, традиционно считающийся в России днем тяжелым. Июньская улица за окном кухни переливалась солнечными бликами, стекла дома напротив родили целую стайку веселых зайчиков. Сам воздух этого утра был, казалось, пропитан ласковым солнечным светом. Свежий ветерок шевелил занавески. Удушающе-жаркий пресс середины лета еще не навалился на Москву асфальтовым катком.

Гуров привык просыпаться рано и сейчас не торопился, тем более что ничего особо экстренного и неотложного его на работе не ожидало. Его жена, Мария Строева, известная московская актриса, уже больше недели гастролировала со своим театром где-то в Поволжье, так что завтракать пришлось в одиночестве. Семейная жизнь, как считал Гуров, у него удалась,

хотя сложностей в ней хватало. Для мужа и жены, да еще любящих друг друга, их отношения были несколько странными. Немудрено. Сыщик и актриса – профессии специфические, иногда он не виделся с женой неделями. Мария даже сказала как-то раз, но, разумеется, в шутку, поскольку любила Гурова и даже восхищалась им, что они давным-давно развелись бы, да вот только никогда не бывают вместе достаточно долго, чтобы детально это обсудить.

Итак, Лев заправил тостер четырьмя ломтями хлеба, заварил свежий «Липтон», достал из шкафчика банку любимого земляничного варенья и уж было собирался погурманствовать, как раздался звонок.

– Полковник Гуров слушает, – сказал Лев. – Говорите.

– Здравствуй, Лев Иванович, – послышалось в ответ. – Это Виктор Покровский. Мне нужна твоя помощь. Срочно.

Если бы говорящий не представился, Гуров, пожалуй, не узнал бы его по голосу, настолько он был севшим и хриплым.

– Что случилось, Витя? – обеспокоенно спросил Гуров. – У тебя неприятности?

– Мягко сказано! – нервно хмыкнул Покровский. – Но разговор не телефонный. Нам необходимо встретиться.

– Я минут через тридцать-сорок буду в Управлении, у себя. Подъезжай, поговорим. Чем смогу – помогу.

– Нельзя мне сейчас у вас в Управлении показываться, – вздохнул Виктор. – И тебе у меня в департаменте не стоит светиться. Я тебе все объясню. При встрече. Лев, я тебя прошу: приезжай ко мне домой. И не откладывая, ситуация слишком серьезная, ты уж поверь мне на слово. Не так уж много людей, которым я могу абсолютно доверять, и ты один из них. Скажи Петру Николаевичу, что на сегодня ты занят, придумай что-нибудь, ты же оперативник и не обязан, как приклеенный, в кабинете сидеть.

– Диктуй адрес, – сказал, вздохнув, Гуров. По тону Покровского он понял, что стряслась с его знакомым поистине неординарная гадость.

– Ты вот что, – сказал Покровский, закончив с адресом, – загляни все-таки на службу и прихвати Станислава. Ему я тоже доверяю на все сто процентов.

– Даже так? – удивился Гуров. – Одного меня мало? Хорошие дела...

– Вдвоем у вас лучше получается. И три головы в любом случае лучше, чем две.

– Пожалуй, – не стал спорить Лев. – Жди нас через час. Слушай, Витя, может быть, нам и оружие прихватить?

Про оружие Гуров упомянул больше в шутку.

– Пока не стоит, – совершенно серьезным тоном ответил Покровский. – До встречи, я очень вас жду.

«Пока? – думал Гуров, заводя свой серый «Пежо». – Совсем замечательно. А потом, надо понимать, и оружие может пригодиться? Во что же ты вляпался, Виктор Алексеевич?»

Утро было ясное, но не жаркое. Блестящий, недавно политый асфальт послушно ложился под колеса «Пежо». Весь короткий путь до родного Управления Лев Иванович думал о загадочном звонке своего старого знакомого.

Витю, то есть Виктора Алексеевича Покровского, Лев Гуров знал давно и хорошо. В конце восьмидесятых годов прошлого века они даже одно время работали вместе под началом генерала Орлова. Потом, когда развернулась так называемая «перестройка» вкупе с «ускорением» и прочими прелестями, МВД вообще и ГУ в частности стало отчаянно трясти. Началась дикая кадровая чехарда в высших эшелонах милицейской власти со всеми вытекающими последствиями: нормально работать стало невозможно, даже под крылом генерала Орлова, который сам держался на ниточке, потому что был честен, прям и перед очередным начальством на задних лапках не стоял. Служебная лестница имеет скользкие перила – чем выше по ней взбираешься, тем больнее падать. Петр Николаевич чудом тогда не упал. Но подстра-

ховать всех не мог даже Орлов. Оперативники стали уходить. Кто куда – скажем, и Лев Гуров, и Станислав Крячко несколько лет занимались чем-то вроде частного сыска. Ушел и Покровский. Но когда мутная волна схлынула, когда Петр Николаевич Орлов начал собирать своих гвардейцев, Покровский, в отличие от Льва и Станислава, в ГУ не вернулся.

Сначала занесло Виктора Алексеевича в Судебный департамент при Верховном суде России, но работал он там недолго и в конце девяностых годов оказался в Налоговой инспекции, где, что называется, нашел себя. Стоит отметить, что как сыскарь и оперативник Виктор Покровский все же уступал Гурову и Крячко. Хотя уступать таким сыщикам, как Лев Иванович и Станислав Васильевич, отнюдь не стыдно. В конце концов, не всем дано быть в музыке Моцартом, а в стихосложении Пушкиным, к сысчному делу это нехитрое наблюдение в полной мере относится. Когда они работали вместе, Покровский по этому поводу не комплексовал, относился к Гурову и Крячко с неподдельной симпатией.

Зато налоговиком Покровский оказался отличным: умным и цепким, как рыболовный крючок, притом неподкупным. Было за Виктором Алексеевичем несколько весьма громких дел – например, крах банка «СБС-Агро» или скандальная история с ликероводочными заводами Калуги и Обнинска, когда основательно пощипали крупные сбытовые структуры «Росспирт-прома». Словом, карьера складывалась удачно, и сегодня Виктор Алексеевич Покровский был начальником одного из отделов московского Департамента налогов и сборов, старшим инспектором налоговой службы, а это пост важный и ответственный.

Несколько раз Покровский серьезно помогал своим бывшим сослуживцам Гурову и Крячко, давая им эксклюзивную информацию, связанную с деятельностью некоторых фирм. Ничего плохого или запретного в такой помощи нет, сыщики просто экономили время и силы, получая сведения, интересующие их, из первых рук, в обход громоздкой бюрократической машины.

Совсем недавно именно информация, полученная от Покровского, очень пригодилась Гурову при распутывании жутковатого дела, связанного со строительным холдингом «Русский зодчий».

Что ж, долг платежом красен!

Но даже если бы Гуров ничем не был обязан Виктору Алексеевичу, он не замедлил бы броситься на помощь бывшему сослуживцу. Потому что, по глубокому убеждению Льва, Покровский был «правильным ментом». Как он сам, как Станислав Крячко, как генерал Петр Орлов. А это – каста! Конечно, понятие это – «правильный мент» – насквозь неофициальное, но смысл его ясен всем в МВД. И хорошо, если коллеги так тебя называют, это знак высшего уважения.

Глава 2

...Гуров, раскланиваясь по пути с коллегами по службе, поднялся в свой кабинет, который он делил со Станиславом Крячко. Тот был уже на месте и работал со сводкой криминальных новостей по Москве и области, лениво пощелкивая кнопками компьютерной «мыши».

– Привет, сыщик! – поздоровался Лев со своим заместителем и лучшим другом. – Ничего экстренного не случилось?

– Привет! Нобелевскую премию нам с тобой пока не дали, – привычной шуткой отозвался Крячко. – Жадничает шведская Академия наук. Особо экстренного – ничего. Как ты любишь выражаться, все обычно. Пороха не выдумали.

– Генерал не вызывал? Верочка не звонила по внутреннему?

Верочкой звали молодую и симпатичную секретаршу генерала Орлова, с которой у сыщиков сложились добрые отношения. В Гурова она была, пожалуй, даже чуточку влюблена. Платонически.

– Не вызывал, не звонила. Пока все тихо.

– Это, похоже, ненадолго, – хмыкнул Гуров. – Выключай компьютер, холера с ним, с «мылом», собирайся, и поехали на Почтовую. Знаешь такую улицу? Дом пятьдесят один.

– И чего мы забыли в этом доме? Улицу, конечно, знаю, – ответил Крячко, который был автомобилистом с большим стажем и Москву знал насквозь. – Самый, считай, центр, рядом с метро «Фили». Там еще церковь Покрова Богородицы, красивая очень. Старинная.

– Покрова, говоришь? – переспросил Гуров. – Вот так совпадение! Потому что едем мы с тобой домой к Покровскому.

– К Вите?

– Ага. Он мне звонил недавно на хитрый мобильник. У него возникли некие жизненные проблемы, которые он хочет с нами обсудить. Судя по тому, как он со мной говорил, проблемы нешуточные.

– Ну, Виктору Алексеевичу грех не помочь, – кивнул Станислав. – Поехали.

...Квартира Виктора Покровского производила солидное впечатление. Отличная трехкомнатка, потолки высокие, прекрасная планировка. Умели при Сталине строить, чего уж там. Жаль, что строили мало. Обставлена квартира тоже была не бедно и со вкусом: на полу ковры, мебель стиля ампир – прямые линии ножек и спинок, проложенные узкими лентами полированной бронзы, врезанной в красное дерево. На полках старинного буфета хороший хрусталь. Несколько книжных шкафов, поблескивающих золотом корешков. Все правильно: Алексей Игнатьевич, отец Покровского, в свое время был светилом отечественной микрохирургии, членом-корреспондентом АМН и пары зарубежных академий. Да и сам Виктор Алексеевич зарабатывал неплохо.

Но вот хозяин этого respectable жилища выглядел неважно. Небритые щеки, чуть припухшие веки, точно их обладатель всю ночь не спал, кожа лица нездорового сероватого оттенка... Словом, с первого взгляда становилось ясно: у этого человека случилась какая-то беда.

«Эх, годы... – подумал Гуров. – Все мы уже не те! Когда сам смотришься в зеркало, видишь только собственную физиономию и никаких следов времени на ней. Но стоит повнимательнее взглянуть в другого, и ясно, что ты тоже постарел. Жаль...» Вслух спросил:

– Что у тебя случилось, Витя? Рассказывай...

– Тут такое дело... Дочка у меня пропала, – севшим голосом сказал Покровский. – Светлана. Точнее, не пропала, а похитили ее. Не знаю, что делать.

– Как похитили?! – даже несколько растерялся от такого известия Гуров. – Кто?!

– А вот так, – развел руками Виктор Алексеевич. – В классическом стиле. Мы со Светланкой уже лет пять, как жена моя умерла, живем вдвоем. В субботу, позавчера, Света домой вечером не пришла и, что совсем странно, не позвонила. С тех пор ее мобильник на вызовы не отвечает. Я обеспокоился, но еще не очень, такое уже случалось. Ей все же двадцать лет, в голове ветер. Но вчера, в воскресенье, около одиннадцати часов дня, в дверь позвонили. Я открыл – никого. Но перед дверью лежит большой бумажный конверт, на котором написано: В.А. Покровскому. В конверте видеокассета, самая обычная, в формате VHS. На кассете заснята Светлана. Говорит она около десяти минут, но смысл предельно прост: папа, меня похитили; если хочешь увидеть меня живой, то требуется выкуп. Иначе похитители... Ну, словом, понятно, что будет «иначе». После чего следует предупреждение, чтобы я ни за что не обращался в милицию или ФСБ, потому что меня будут отслеживать, и если я не проявлю благоразумия, то получу ее по частям. А затем она излагает, каким именно способом я должен передать выкуп. Вот, вкратце, и все. Что мне делать? Ума не приложу, хоть волосы на голове рви.

Виктор Алексеевич побледнел, его лицо скривилось в мучительной гримасе.

– Ну, ни фиги себе! – потрясенно сказал Станислав Крячко. – Чтоб я трижды провалился! Это просто охренеть можно!

– Прямо поражаюсь, – несколько раздраженно заметил Гуров, – до чего у тебя, Стас, лексикон богатый! Трижды не надо, это перебор, тебе одного раза за глаза хватит. Но ситуация и впрямь... сложная. Только не стоит голову терять. Значит, поэтому ты, Виктор, и решил не светиться у нас в Управлении?

– Конечно, – уныло ответил Покровский. – Если эти сволочи следят за домом... Вы не в форме, в гражданском. Вряд ли похитители знают тебя и Станислава в лицо. Но даже если знают... Формально я их требования выполнил! К вам я обратился не как к сотрудникам милиции, а как к своим близким друзьям. Допустим, денег хочу занять, чтобы расплатиться. Самое поганое, что я прекрасно понимаю: даже если я скрупулезно буду выполнять требования похитителей, нет никаких гарантий того, что дочку отпустят! Если, скажем, она видела лица похитителей, запомнила марку или номер их машины, внешние детали того места, где ее держат... Могут ведь и убить, несмотря на выкуп. Такое случалось.

«Случалось, – мрачно подумал Лев. – И впредь случаться будет. Преступникам ведь никого не жалко, им что молодую девчонку убить, что муху прихлопнуть».

– Давайте-ка делом займемся, – сказал он преувеличенно бодрым тоном. – Прежде всего, нужно внимательно просмотреть видеозапись. Тогда и решим, какую тактику нам избрать. Кстати, самое важное: сколько денег они хотят получить в качестве выкупа и сколько времени они тебе отпустили? У нас есть какой-то временной люфт?

– Тут довольно интересный момент, – отозвался Виктор Алексеевич, – который меня, признаться, удивил. Суммарно похитители требуют пятьсот тысяч долларов.

– Ого! – покачал головой Станислав. – Нехилые у них представления о твоих финансовых возможностях! Выложить сразу полмиллиона баксов...

– В том-то вся петрушка, – продолжил Покровский, – что они согласны на рассрочку. Первые сто тысяч я должен заплатить в среду, то есть послезавтра. Как – это особый разговор, послушаете на кассете. Но тут время фиксировано – именно в среду, с двух до четырех часов дня. Этим я как бы подтверждаю, что соглашаюсь с их требованиями. А вот остальные четыреста тысяч они согласны получить в ближайшие десять суток. Вообще говоря, для шантажа с похищением такой подход нетипичен! Самый опасный для шантажистов момент – это передача денег, и, как правило, они стараются получить всю сумму сразу.

– Совершенно верно, – подтвердил Гуров. – Правда, они могут думать, что сразу ты всю требуемую сумму раздобыть не сможешь.

– Я и не сразу не смогу, – сказал Покровский грустно. – Ну, машину продам, ну, дачу. Дача дохленькая, зато машина отличная. Под залог квартиры можно что-то получить... Сто тысяч за день я со скрипом, но достану. Драгоценности покойной жены можно быстро реализовать, несколько десятков очень редких книг от отца остались. А вот дальше...

– Мне вообще не слишком понятно, зачем похищать твою дочку! – недоуменно перебил его Станислав. – Ты ведь не финансовый магнат, не «новый русский», не попсовая звезда! Да, живешь чуть богаче, чем основная масса московского народонаселения, так ведь именно чуть! Ради чего вымогателям огород городить?

– Правильно, Стас! – согласился Гуров. – Это весьма интересный вопрос.

– Чего тут интересного... – махнул рукой вконец расстроенный Покровский. – Дочери финансовых магнатов и всех прочих в том же духе небось персональную охрану имеют, их так просто хрен похитишь.

– Тоже верно, – задумчиво сказал Лев. – Хоть есть здесь один тонкий момент... Но к нему мы вернемся, когда запись просмотрим.

Запись просмотрели трижды, останавливая ее, перематывая, возвращаясь к наиболее интересным деталям. Наконец Виктор Алексеевич щелкнул кнопкой пульта, останавливая видеодвойку. Покровский поднялся из кресла и, стараясь привести нервы в порядок, несколько раз пересек комнату из угла в угол.

– Что скажете? – спросил он, и голос его предательски дрогнул. – Я давно уже не действующий оперативник...

– Утешать и вытирать слезы не буду, – сурово сказал Гуров. – Все плохо. Но! Не безнадежно, а это большая разница. Паниковать пока что рано, да и бессмысленно. Стас, дай-ка мне сигарету, такие видеовпечатления необходимо завершить перекуром, а я опять забыл дежурной пачкой разжиться... Вот спасибо... Не возражаешь, Витя?

Лев курил редко, когда что-то резко выбивало его из психологического равновесия. Видимо, поэтому – или в силу какой-то странной традиции? – Гуров обычно забывал покупать сигареты и одалживался у безотказного Станислава. Его заместитель не без ехидства называл это использованием служебного положения. Но сейчас Станислав был серьезен. Не до шуток, знаете ли! Он протянул Гурову пачку «Camel», достал сигарету себе, затем вопросительно посмотрел на хозяина квартиры.

– Да хоть обкуритесь! – горько рассмеялся Виктор Алексеевич. – Все равно главного борца с курением, Светланки, нет. Это она, дочка, мне всю шею перепилила, за здоровый образ жизни агитируя. Не знаю, насколько уж он здоровый, но от общения с некоторыми ретивыми борцами точно раньше времени в ящик сыграешь. Дай-ка и мне, Василич, пять лет не курил, как овдовел... Лева, не томи! Твои соображения?

– Первое и самое главное: деньги, те самые сто тысяч баксов, тебе отдать придется. Точнее, нам, чтобы получить пресловутый временной люфт, о котором я упоминал, – твердо сказал Гуров. – Только нечего тебе, Витя, самодеятельностью заниматься, драгоценности покойной супруги продавать и прочее... Можешь не успеть. Мы подключим к этому делу Орлова, уж он-то сотню тысяч найдет без особого труда. Есть в Управлении специальные фонды. И не вздумай возражать, Виктор! Непременно подключим, но сделаем это так, что сволочи, укравшие твою дочку, ничего не узнают. И дело тут не только в деньгах! У Петра и возможностей поболее, чем у нас троих, вместе взятых, и опыт колоссальный. Наш генерал, если ты еще не забыл дни совместной службы, не из тех, кто работать не может, а только руководить.

Гуров говорил так не потому, что Петр Николаевич Орлов был его начальником. Просто Лев Иванович исключительно высоко ценил опыт и острый аналитический ум Орлова. Во времена, когда Лева Гуров впервые переступил порог ГУ МВД, Петр Орлов был для него учителем, эталоном, да и потом, поднабравшись опыта, Лев еще долго смотрел на него снизу вверх – право же, Петр Николаевич заслуживал такого взгляда. Стоит заметить, что Стани-

слав Крячко полностью разделял мнение своего друга. Генерала, помимо всего прочего, отличали прекрасная память, исключительная наблюдательность и умение разбираться в людях, а это признаки недюжинного административного таланта. По-своему Петр Николаевич был довольно крут. В Управлении знали: генерал насмешливо отвергает непродуманные, плохо обоснованные фактами и доказательствами версии, сыскную халтуру, но без предубеждения воспринимает любую разумно изложенную предварительную гипотезу. И всегда готов помочь. Словом, Льву Гурову и Станиславу Крячко повезло с начальником, случается в жизни и такое.

Станислав недаром так внимательно слушал Гурова! У друзей-сыщиков давно уже сложился собственный стиль ведения расследования. На первых, начальных его этапах Гуров и Крячко работали порознь, каждый на своем участке, а потом встречались и делились полученной информацией и выводами. При этом не стеснялись жестко критиковать друг друга. Такой взгляд другого профессионала на твою работу со стороны очень полезен: он помогает замечать шероховатости, логические прорехи, неточности и промахи. Давно замечено, что человек лучше всего понимает собственные мысли тогда, когда излагает их другому человеку.

Но когда расследование дела подходило к концу и приходила пора выработать окончательную версию случившегося, когда впереди начинали маячить оперативные мероприятия, вроде задержания подозреваемых, тут Гуров с Крячко объединяли усилия. Кстати, хотя вслух они об этом не говорили, но Станислав молчаливо признавал лидерство Гурова в их сыском тандеме. Крячко такое положение вполне устраивало, лишь бы оно шло на пользу делу. Может быть, потому, что Станислав хорошо осознавал: сам он по натуре реалист и прагматик, отличный, опытный практик, но изумительная интуиция Гурова ему не дана.

За десятилетия работы в сыске Лев Гуров пришел к выводу, что умение решать задачи – это на девяносто процентов умение правильно их ставить. Почти на любой вопрос можно найти ответ. Но! Только в том случае, когда этот вопрос сформулирован корректно.

Сейчас главным, для того чтобы спасти Светлану Покровскую, становилось установление личностей похитителей. И вся информация, имевшаяся на данный момент у сыщиков, – кассета с записью, потому что Гуров был уверен: ни отпечатков пальцев, ни еще чего-то из конверта и самой кассеты не выжмут. Если злоумышленники решаются на столь тяжкое и дерзкое преступление, таких детских промахов, как оставить свои «пальчики», они не делают, детективы нынче все читали.

– То, что ее заставили выступить перед видеокамерой, – сказал Гуров, – это стандартный прием. Если похищен не совсем маленький несмышлениш, преступники обычно так и поступают: дают своей жертве текст и заставляют его озвучить. Это преследует как минимум две цели: показать объекту вымогательства, что похищенный жив и пребывает в приличном физическом состоянии, плюс оказать дополнительное психологическое давление. Когда сама жертва похищения говорит, что ее будут на кусочки резать, и просит проявить благоразумие, чтобы этого не произошло, слова звучат особенно убедительно.

– Да уж! – вздохнул Виктор Алексеевич.

– Заметим: Светлана не читает некий текст, а излагает все своими словами. Почему я так решил? Она говорила по часам одиннадцать с половиной минут и за это время ни разу не опустила глаза, смотрела прямо в камеру. Значит, текста не было. Ей подробно объяснили, что и как, а потом потребовали пересказать поэмоциональней. Еще один интересный момент: хотя девушка должна была пережить настоящий психологический шок, поняв, что ее похитили, хотя говорит она о весьма жутких для себя перспективах, вроде разрезания на кусочки, но раздавленной и смертельно испуганной она не выглядит.

– Это ты прав, – согласился с другом Крячко. – Отлично девочка держится. В таких пиковых ситуациях и крепкие мужики, бывает, как осиновый листок трясутся, а она...

– Светланка у меня молодец! – с тихой гордостью сказал Покровский. – Вся в меня. Хорошо, что она самообладания не теряет.

– Что еще бросается в глаза? – продолжил свои рассуждения Лев. – Запись сделана профессионально, камера не дрожит, не дергается, все отлично скадрировано, грамотно поставлен свет, звук не плывет. И записывающая аппаратура высококлассная. Она, кстати, стоит немалых денег. Теперь об угрозах. Вам не кажется, что они звучат слишком жутко, а? Глаза выколют, голову оторвут, скальп снимут, живьем на кусочки порежут, в кислоте растворят... Не многовато ли? Зачем такие страсти? Достаточно просто убить. Чтобы покрепче напугать отца? Возможно. А возможно, что похитители насмотрелись голливудских триллеров и детективов, где как раз такие угрозы в ходу, и действуют, так сказать, по классическим образцам. Это наводит на мысль, что собственный опыт подобных дел у похитителей не слишком богатый.

– Ну-у, Лев, это слишком произвольное допущение, – возразил Крячко.

– А мне сдается, что Лева прав, – сказал Виктор Алексеевич. – Действительно, слишком много ужасов. Угроза просто убить, по-моему, действенной.

– Хорошо, оставим это пока, – не стал упираться Гуров. – Перейдем к моменту передачи денег. Тут все формулируется кратко и весьма толково.

Глава 3

Инструкции похитителей, изложенные Светланой Покровской, были просты. Деньги – в стодолларовых купюрах, причем уже бывших в употреблении. Доллары требовалось упаковать в непрозрачный полиэтиленовый пакет, а сам пакет перевязать крест-накрест яркой красной лентой. С этим пакетом и имея при себе мобильник, Виктор Алексеевич должен сесть на двухчасовую тульскую электричку, отходящую с Курского вокзала. В третий от хвоста вагон. После чего ждать звонка. Электричка идет до Тулы часа четыре, позвонить могут в любой момент. Вот почему Виктор Алексеевич говорил о фиксированном времени – с двух до четырех часов среды. Позвонивший по номеру Покровского человек должен сказать условную фразу, чтобы было ясно – это звонок от похитителей. Фраза будет заведомо бессмысленна: «Сирены вышли на бульвар». Услышав такую нестандартную новость, Покровский должен выждать ровно три минуты с момента звонка, после чего выкинуть перевязанный ленточкой пакет с долларами в форточку электрички, вправо по ходу состава, под железнодорожную насыпь. И продолжать свой путь в Тулу. Если все пройдет гладко и шантажисты убедятся, что они получили желаемое без всяких для себя неприятных сюрпризов, то ровно в пять ему позвонит Светлана. Чтобы Покровский мог убедиться, что это не запись голоса его дочери, а живая девушка, он может вступить с ней в короткий диалог. Инструкции о способе и сроках передачи остальной суммы он получит особо.

– Что тут скажешь? – хмыкнул Гуров. – Весьма неплохой план они разработали, с надежной подстраховкой. Захоти мы их выловить на горячем, сцапать их курьера, ничего бы у нас не получилось. Лужков когда еще навел порядок с пригородными электричками, больше чем на полминуты они от графика, особенно на коротких перегонах, не отклоняются. Задействовано будет минимум трое человек. Один – в третьем от хвоста вагоне. Он следит за поведением Вити и, если замечает что-то подозрительное, дает своим сигнал тревоги. Вычислить его нет никакой возможности, на лбу у него не написано, что он из шайки похитителей. Теперь второй. Он стоит – или прохаживается – на некоем фиксированном месте у железнодорожного пути, ничем от мирного обывателя не отличаясь. Он следит за точностью прохождения графика и, если необходимо, делает поправку. Скорее всего, она им не понадобится! Завидев приближающуюся электричку, он звонит Вите на мобильник и произносит свою дурацкую фразу. Пошел отсчет трех минут! Значит, где-то в двух-трех километрах впереди по ходу ожидает третий. Возможно, на машине, хоть я бы взял велосипед или мотоцикл. Он подбирает выброшенный Виктором пакет – вот где красная ленточка пригодится! – и скрывается с деньгами. Первым двум и скрываться-то не нужно. Просто и эффективно, ничего не скажешь!

– Постой, – засомневался Крячко, – в двух-трех километрах впереди? Но если километровой разброс, так он час будет в поисках пакета по насыпи ползать!

– Ты шестой десяток разменял, а ума не нашил, – добродушно рассмеялся Гуров. – Пойми, это мы не знаем, на каком участке пути все это произойдет! А они прекрасно знают. Значит, им известна скорость электрички на этом участке. Она ведь может быть и шестьдесят, и семьдесят, и восемьдесят километров в час, вот почему я говорил о разбросе. Это для нас разброс, мы не можем предположить точно, на каком расстоянии друг от друга расположатся два негодяя. Для них никакого разброса не будет, метров сто – максимум. Плюс красная ленточка... Какой, к песьей матери, час, он в худшем случае за несколько минут управится.

– А если в этом месте кто-то окажется? – не хотел сдаваться Станислав. – Свидетели? А тут вдруг из окошка что-то вылетает и некий тип это самое «что-то» с красной ленточкой подбирает?

– Да, – согласился Гуров. – Верно. Это самое узкое место плана. Это его осложняет. Но не намного! Первое. Полоса отчуждения вдоль железнодорожной ветки на Тулу это все же не

Кузнецкий Мост в час пик. Можно выбрать безлюдный участок. Тем более что таких участков может быть и два, и три... У них наверняка будет налажена связь между собой, не получилось на первом участке, ходят там толпы народу – переходим к резервному варианту. Только откуда там возьмутся толпы? Второе. Отучены наши люди проявлять излишнее любопытство к чужим – тем более непонятным! – делам. Представьте: идет мирный дачник вдоль насыпи, и вдруг ему под ноги сваливается с неба нечто с красной ленточкой. Да девяносто девять процентов, что дачник дунет от этого предмета быстрее лани. Террористами все напуганы.

– А третье, – мрачно сказал Виктор Алексеевич, – если этот гипотетический дачник все же начнет проявлять излишнее любопытство, то у него могут появиться серьезные проблемы со здоровьем. Сейчас, случается, за сто рублей убивают, а уж за сто тысяч баксов... Я думаю, что тот, кто будет забирать деньги, возьмет с собой что-нибудь поосновательнее рогатки.

– Убедили. Вот если бы, – мечтательно сказал Станислав, – в нужном месте оказался бы наш оперативник и проследил, куда отправится тип с деньгами!.. Можно было бы выйти на их гнездо. Нам лишь бы узнать, где прячут твою дочку, выволить ее было бы не так сложно. Есть методы.

– Ну о чем ты, Стас? – сморщился, как от зубной боли, Гуров. – На каждом километре железнодорожной ветки Москва – Тула оперативника не поставишь, хоть все наше ГУ на ноги подними.

– А если попытаться вычислить самые перспективные места? – Крячко не любил сдавать позиций без боя. – Я неплохо этот маршрут представляю. В черте города они вряд ли рискнут, так что от платформы Царицыно до Битцы можно весь путь смело исключить. А вот потом железная дорога пересекает сначала МКАД, затем Варшавское шоссе, после чего, начиная от Бутова, идет параллельно автостраде. Да, там немало довольно безлюдных мест. Лесопарки сплошные. Ты прав, не выйдет их заранее вычислить! Может, радиомаячок в пакет с деньгами засадить? Сейчас такие малютки есть... Невооруженным глазом фиг углядишь!

– Самое бы лучшее, – задумчиво сказал Гуров, но тут же отрицательно покачал головой. – Нет! Слишком велик риск. Глазом-то не разглядишь, ты прав, но есть специальная аппаратура, которая такие маячки в момент распознает. Ты поручишься на сто процентов, что у похитителей такой аппаратуры нет?

– Нет, с маячком не пойдет! – энергично поддержал его Виктор Алексеевич. – Вдруг догадаются? Убьют же Светланку! Из тех же соображений не стоит метить деньги. Могут проверить. Разве что номера купюр переписать?

Лев скептически пожал плечами:

– Это сколько угодно, но что толку? Не такие же они идиоты, чтобы бежать их разминывать на следующий день. Да и сделать это можно не в банке, не в обменном пункте, вообще не в Москве.

– Нам-то что делать? – совершенно убитым тоном спросил Виктор Алексеевич.

– Думать надо, – чуть раздраженно отозвался Гуров. – Я не доктор, у меня готовых рецептов нет. Пока что придется выполнять требования похитителей и надеяться, что они где-то ошибутся. Но – самое главное! – мы должны вычислить, кто ее похитил. Вы-чис-лить! Да, это сложнее, чем бегать, высунув язык, или с пистолетом в засаде сидеть. Если вычислим, то пойдем, где ее могут прятать, а это – восемьдесят процентов успеха.

Станислав, выслушав эти слова друга, лишь вздохнул философски. Ему-то было доподлинно известно, что если Лев Иванович Гуров запустил в дело свои клыки, то их не разожмешь. Мертвая хватка, почище, чем у любого бультерьера. А уж когда на своих покушаются!..

Некоторое время молча курили. Лицо Покровского мрачнело все сильнее. Виктор Алексеевич был крепким человеком, да и профессия закалила его характер, он не собирался впадать в истерику и паниковать, но вот чувство тоскливого уныния так сдавило сердце, что хоть волком вой. Тишина в квартире стояла какая-то нехорошая, тревожная. Гуров нарушил ее:

– Почему похитители выбрали именно эту электричку, как считаете?

– Просто наобум, – предположил Крячко. – Могли бы, скажем, на Рязань. На Калугу. Мало ли с московских вокзалов электричек отходит?

– Много, – согласился Лев. – Но, на мой взгляд, выбор именно этой – неслучаен. Смотрите: будни, полдень. В это время тульская электричка и не слишком пустая, так что наблюдатель не будет бросаться в глаза, и не слишком забитая. А то ведь до форточки не доберешься! Самое же важное: до семнадцати часов, контрольного срока, когда Светлана должна связаться с отцом, у них не так уж много времени. Порядка двух часов. Нужно добраться до базы, нужно проверить, нет ли слежки, не подсунули ли им фальшивку, не мечены ли деньги какой-нибудь флуоресцентной невидимой краской, которую потом фигурки от рук отмоешь... Словом, хватает дел! Причем таких, которые «на секундной стрелке» не делаются.

– Какое будет резюме? – нарочито небрежно поинтересовался Крячко, щелчком высвободив из пачки новую сигарету.

– Только допущение. – Гуров сделал некоторую паузу, точно просчитывая что-то в уме. Взгляд его стал отсутствующим, обратившимся внутрь. – Их база, скорее всего, расположена недалеко от планируемого места сброса денег. С определенной – высокой! – степенью вероятности можно предполагать, что в радиусе трех-пяти километров.

– Разумное предположение, – согласился Покровский, глаза которого сразу потемнели от возбуждения. – И Света, думаешь, там?!

– Думаю! – воскликнул Гуров. – У этих мерзавцев, которые тебя шантажируют, должен быть кто-то старший. Главарь. В среду у него будет два важных дела, которые он вряд ли кому передоверит. Ему нужно будет проконтролировать передачу денег и организовать твой телефонный разговор с дочкой, проследить, чтобы Светлана не сболтнула чего лишнего. Логично предположить, что заниматься этим он будет в одном месте. Значит, и Света там! Поэтому место, где сбросишь пакет, засеки точно, Виктор Алексеевич. И еще: какой у тебя мобильник?

– «Нокиа», последняя модель. С цифровой камерой и прочими наворотами. Электробритвы разве что не хватает. – Покровский даже попытался пошутить!

– Отлично. Там есть функция записи разговора. Запишешь, когда тебе позвонят с этим дурацким паролем, разговор с дочкой тоже запишешь. Еще не знаю, как, но это может нам пригодиться. В нашем положении любой крошке информации цены нет. Теперь предлагаю вам задуматься вот о чем: почему внимание похитителей привлекла именно Светлана Покровская? Это основной вопрос сейчас – если мы сможем ответить на него, хотя бы предположительно, нам будет легче понять, кто ее похитил.

– Ты уверен, что охота шла именно за Светланой? – с некоторым сомнением спросил Крячко. – Случайность, совпадение ты начисто исключаешь? Что, если девушке просто не повезло?

Гуров только отмахнулся досадливо:

– Совпадения, как правило, тщательно готовятся. Какое тут может быть совпадение и случайность? Неизвестные шантажисты похитили первую попавшуюся девушку? Это даже не смешно! Случайно можно получить арматурным прутком по голове в темной подворотне, от подобного сюрприза, увы, никто не застрахован. Но чтобы человека «случайно» похитили с целью последующего шантажа и получения выкупа – так, простите, не бывает. Начать с того, что взрослого человека, пребывающего в здравом уме, не так-то просто похитить. Тем более в Москве, где народ тертый и пуганый. Сложное это дело – похитить кого-либо с улицы среди бела дня. Просто так в машину не затащишь, всегда есть риск, что похищаемый сопротивляться начнет, привлечет внимание. Нет, на такую откровенную наглость обычно не идут. А сама девушка в машину с незнакомыми людьми вряд ли бы села, так, Витя?

– Что она, крошка малолетняя? – грустно усмехнулся Виктор Алексеевич. – Которую злые дядьки шоколадкой приманили? Сейчас, кстати, и малолетки умные пошли, на шоколадку

не клюнут. Не села бы, это однозначно. И в случае чего та-акой шум бы подняла на всю улицу... Я ей давно объяснил, как в подобных пиковых ситуациях нужно себя вести, да она и сама не дура, соображает, что к чему.

Гуров одобрительно кивнул. Особенно понравилось Льву то, что все глаголы, относящиеся к дочке, Покровский употреблял в настоящем времени. Правильно, не стоит терять надежду. Сейчас Светланка жива, а мы уж постараемся, чтобы она живой и осталась. А попутно спустим шкуру с негодяев, оборзевших настолько, чтобы ментовских дочек воровать.

– Отсюда следует, что, если ее похитили, когда она шла по улице, в подъехавшей машине был кто-то, кого Светлана знала, – сказал Лев. – Тогда девушка вполне могла согласиться на, скажем, предложение подвезти ее. А справиться с ее сопротивлением в машине, когда девушка догадается, что дело неладно, не в пример легче. Но если события развивались по этому варианту, то машина с похитителями должна была ожидать девушку там, где Светлана непременно появится – например, на подходе к дому. Причем ожидать не весь день, а в тот момент, когда девушка должна появиться, так? Что опять же приводит нас к мысли: кому-то в этой машине были хорошо известны привычки Светланы, ее обычный маршрут.

Крячко покачал головой.

– Не факт, что ее похитили с улицы, – возразил он. – Почему не с дискотеки какой-нибудь, не из ресторана, кафе, не из чьей-нибудь квартиры, наконец? Мало ли, что можно сделать с человеком, чтобы он стал сговорчивее? Допустим, напоить до бесчувствия. Или подмешать в кофе какую-нибудь химическую дрянь. Или оглушить. Или... Словом, хватает способов.

– Совершенно верно! – согласился с другом Лев. – Могло быть и так, но это не принципиально. Почему? Сейчас объясню. Давайте исходить из того, что ее похитили в субботу, еще до ночи, а не, скажем, в воскресенье утром. Иначе она бы позвонила вечером отцу, да и времени на то, чтобы организовать видеозапись, у преступников почти не оставалось. Когда она ушла из дома, Виктор? Около полудня? Значит, все произошло от полудня до позднего вечера субботы. Ты знаешь, куда она пошла?

– Откуда бы? – развел руками Покровский. – Светланка мне давно не докладывает о своих планах. Так, предположения...

После слов Станислава о методах, которыми людей делают «сговорчивее», вид у Виктора Алексеевича стал вовсе невеселый. Но колоссальным усилием воли Покровский подавил мутную волну паники и бессильного гнева и даже удивился, услышав, как спокойно прозвучал его голос. Только посеревшие губы он сжал так, что они вовсе в ниточку обратились...

– Дойдет дело и до предположений, – сказал Гуров. – Чуть позже. Сейчас важно вот что: могла твоя дочка пойти, допустим, в ресторан с неизвестным ей человеком и там выпить до полной отключки?

– Нет, – решительно ответил Покровский. – Светка, конечно, не монахиня, а вполне современная девица. По мне – так даже слишком, но тут уж ничего не поделаешь, со времен нашей с вами комсомольской юности много воды утекло. Ресторан или бар? Дискотека? Да сколько угодно. Выпить в меру? Тоже не исключено! Но чтобы до отключки? Только если притравили чем-то, типа того же клофелина, но, опять же, не стала бы она с незнакомыми людьми пить! То же самое относится к вечеринке у кого-то на квартире или даче. Одна к незнакомым людям дочка бы не пошла, остереглась бы.

– Вот-вот, – согласно кивнул Лев. – Значит, и в этом варианте – а я вовсе его не исключаю! – среди похитителей должен был быть человек, который знал Свету. И которого, в свою очередь, знала она, хотя бы на уровне шапочного знакомства. Теперь, Витя, важный вопрос, и сразу прошу тебя – не обижайся! Твоя дочка... как бы поделикатнее выразиться, группам риска ни с какого края не причастна? Понимаешь, о чем я?

– Чего уж тут не понять? – мрачно откликнулся Виктор Алексеевич. – Кстати, зря извиняешься, я бы сам прежде всего в этом направлении мыслить стал. Нет, Лев, опять мимо цели.

Совершенно нормальная двадцатилетняя девчонка. Я не потому так говорю, что она моя дочка. Просто я ведь тоже когда-то был оперативником и на... гм-м... группы риска наглядился по самое не могу, так что глаз у меня наметанный, различил бы, стрясись со Светкой такое несчастье. Нет. Не наркоманка, это точно. Не поручусь, что она никогда не пробовала какого-нибудь легкого зелья вроде анаши. Они сейчас едва ли не поголовно пробуют. Но даже если такое случилось, то в систему не вошло и ничего «тяжелого» вроде героина или лизергатов не было, в этом я уверен. Повидал я наркоманов, знаю, какие у них глаза, какое вообще поведение. Ничего похожего! Не алкоголичка, не спит с кем попало и где попало. Бог мой, да она даже не курит и меня за здоровый образ жизни агитирует! С кришнаитами, «братьями» всех цветов радуги, сатанистами и прочими тоталитарными сектами никаких дел никогда не имела. Она подобной публикой просто брезгует, говорили мы с ней как-то раз на эту тему. Что еще? К политике, слава всевышнему, равнодушна, слишком умна для этого. Так что всякие «орлята Сталина», «молодая демократическая смена» и прочие «соколы» и «борцы» тоже отпадают. Словом, не вижу я группы риска. Вот разве что ее последнее увлечение? Но нет там ничего рискованного, и вообще – никакого вреда, одна сплошная польза.

– Что за увлечение? – Глаза Гурова вспыхнули острым интересом. – Давай подробности, Витя! И, кстати, набросай мне психологический портрет своей дочери. Не Достоевский, говоришь? Ничего, в меру таланта. Сейчас, если ты не в курсе, появилась такая отрасль криминалистики, виктимология называется. Наука о жертвах, если дословно. Так вот, если хорошо узнать жертву преступления, ее образ жизни, привычки, ее психологию, увлечения, круг ее общения, то значительно проще выйти на преступника!

– Шаманство! – пренебрежительно фыркнул Крячко. – Именно что достоевщина дешевая, как Петр выражается.

– Э-э, не скажи, – возразил другу Лев. – Что-то в таком подходе есть! И зря ты на Орлова напраслину возводишь, он-то как раз к всякого рода новым методам и подходам в сыске всегда был неравнодушен. Не то что некоторые сыскари, которым дай только с пистолетом по крышам поскакать, автородео устроить да пяток вооруженных бандитов голыми руками замочить.

Крячко снова фыркнул, на этот раз чуть обиженно:

– Это что же, в мой огород камешек? Выражаясь твоими же словами, обидеть подчиненного – дело нехитрое...

– Тебя обидишь! – рассмеялся Гуров. – Какие огороды, Стас? Это я так, абстрактно... Но, согласишься, чтобы помочь Вите, нам нужно знать о Светлане возможно больше. Так чем же столь полезным увлеклась твоя дочка в последнее время, Виктор?

– Ну, как в последнее... Не такое уж в последнее. Больше года уже, со второго курса. Она ведь у меня студентка, на филфаке МГУ учится. Вот там, на факультете, и познакомилась с «Детьми тумана»...

Глава 4

– С кем? – переспросил Лев. – С чьими детьми?

– Тумана, – повторил Покровский. – «Дети тумана», так они свою группу называют. Хотя слово «группа» тут решительно не подходит. У меня по старой ментовской привычке к этому слову так и просится прилагательное «преступная».

– У меня тоже, – фыркнул Станислав. – Ну, пусть не группа. А что тогда?

– Это... – Виктор Алексеевич замялся, – сразу даже не соображу, как точнее назвать. Литературно-исторический кружок? Любительская театральная студия? Спортивная секция? Все вместе. Плюс немного, самую чуточку, приправленное психушкой. Но последнее касается самых продвинутых, а Светлана к таким не относилась. Они, понимаете ли, играют. Да-да, именно играют. Но относятся к своей игре исключительно серьезно, а «продвинутые» уже просто живут в этой игре.

Видно было, что разглагольствовать на отвлеченные темы Покровскому трудно, не тем сейчас у него мысли заняты. Но Виктор Алексеевич старался изо всех сил:

– Вы вспомните себя мальчишками лет десяти-двенадцати. В индейцев играли? Или, что несколько ближе к теме, в трех мушкетеров? В рыцарей из «Айвенго»? Деревянные шпаги или там мечи, шлемы из кастрюль...

– А то как же! – живо воскликнул Крячко, которому воспоминания детства явно были очень приятны. – Я, помнится, Портосом был.

– Не похож, – скептически заметил Гуров. – Фигурой не вышел, комплекция у тебя, Стас, не Портосья. Но... Да! И мне вспоминается что-то такое. У меня вот щит рыцарский был. Крышка от бака стирального, у нее еще ручка очень удобная. Еле выпросил у матери, зато все пацаны завидовали.

– Вот-вот, – кивнул Покровский. – И у них что-то похожее. Только, повторяю, отношение к этому серьезное, им же всем под двадцать, а кому и больше. И литературная основа другая. А когда и не литературная, а вовсе историческая.

– Слышал я о таких ребятах, – сказал Крячко. – Кстати, только хорошее. Как их, толкинисты, что ли?

– Точно. Это потому, что началось такое бурное увлечение подобными играми с Толкина, – пояснил Покровский. – Они его чаще Профессором называют. «Властелина колец» читать не доводилось? Понятно... А жаль, кстати! Классика двадцатого века. Меня Светлана чуть ли не насильно эту вещь начать читать заставила, а когда я вчитался, то сам бросать не захотел. Понравилось, представьте себе! На первый взгляд вроде бы сказка, но... не совсем.

– Книгу не читал, – сказал Станислав, – а вот фильм видел. Первую серию. Австралиец фильм снимал, по-моему, Питер Джексон. Ничего не скажу – впечатляет! Так что какое-то представление имею.

...Разговор затянулся еще почти на два часа. Затем решили расстаться до завтра: Покровскому, который провел бессонную ночь и очень устал, необходимо было хоть немного поспать, по крайней мере попытаться. А Гурову с Крячко пора было возвращаться в Управление, чтобы встретиться с генералом Орловым и поставить начальство в известность о несчастье, свалившемся на Виктора. Кроме того, нужно было спокойно подумать и наметить хотя бы приблизительный план дальнейших действий.

Над Москвой сиял золотой июньский полдень. На чистом голубом небе – ни облачка, потоки света заливают суетливое мельтешение столичного центра. Всюду массы пестро одетого народа, блестящие лаком машины, разноцветье реклам. Гуров опустил оба боковых стекла «Пежо», и в открытые окошки врывался характерный слитный гул московской улицы, веселый

и чуточку взвинченный. Станислав, задумавшись о чем-то, сосредоточенно курил, выпуская дым в открытое окошко машины.

– Лев, – Крячко оторвался от созерцания столбика пепла, нараставшего на кончике сигареты, – почему пароль такой странный, а? Кто там на бульвар вышел? Сирены? Какие еще, к песьей матери, сирены? У меня с этим словом наша милицейская синяя мигалка ассоциируется да «уазик» патрульно-постовой службы. Вот когда пэпээсники по экстренному вызову едут и эту самую сирену включают... Спасите наши уши! Вроде как сто мартовских котов одновременно отношения выясняют.

– Сирены, Стас, это еще такие мифические существа вроде наших отечественных русалок, – ответил Гуров, перестраиваясь в правый ряд. – Только... как бы это сказать, западного происхождения. Живут в воде, красотки, причем исключительно зловредные. Но тоже с рыбьим хвостом вместо ног, так что на бульвар им выходить будет затруднительно. Вокальные данные у сирен – Алла Борисовна от зависти удавилась бы. Голоса неземной силы, красоты и притягательности, кто услышит, тот не может противиться, идет на их зов, тут ему и... сам понимаешь, что настает. А ты про котов! Почему пароль странный, это как раз понятно: он и должен быть странным, чтобы его кто случайно не ляпнул.

Вопрос Станислава про сирен неожиданным образом задел какую-то тоненькую струнку в мозгу Гурова, словно бы зацепился за невидимый крючок. Но на крючке не удержался, сорвался и канул в темные глубины подсознания. Лев не огорчился: пусть пока поплавает там.

До поры до времени.

– Лев! – вновь окликнул его Крячко примерно через минуту. Тон у Станислава был удивленным и настороженным. – Не знаю, как там у сирен, а вот у нас хвостик появился. Посмотри в зеркальце внимательнее, видишь – бежевая «восьмерка»? Что-то она мне активно не нравится.

– Уверен? – Гуров пристально взгляделся в зеркальце заднего вида.

– Давай проверим. Сворачивай на Большую Грузинскую и рули мимо зоопарка к площади Белорусского вокзала. Есть там такая хитрая транспортная развязочка... Если он от нас там не отцепится, значит, точно «хвост». Потому что развернемся мы в прямо противоположную сторону. На манер зайчика в лесу.

– Но мы-то с тобой не зайчики! – рассерженно сказал Лев через пять минут, убедившись, что бежевая «восьмерка» после маневра на площади Белорусского вокзала так и держится на три машины сзади. – Мы с тобой, пан Станислав, звери несколько посерьезнее. Как бы нам с этим настырным типом поближе познакомиться? Нет, нельзя! Если это из-за нашего визита к Вите, то не стоит показывать, что мы обнаружили слежку. Но очень мне хочется узнать, кто бы это мог быть... У меня идея появилась: что, если мы ему свой хвостик прицепим? Потаскаем его маленько по городу, а там парни из службы внешнего наблюдения подключатся. Подожди-ка...

Станислав достал мобильник, набрал номер оперативного дежурного по Управлению.

– Полковник Крячко говорит. Харитонов, ты? Леша, ты машину Льва Гурова, серый «Пежо», знаешь? Отлично. Я тебе из нее и звоню, а Лев Иванович за рулем сидит. Тут за нами увязалась бежевая «восьмерка», очень похоже на «хвост». Организуй по-быстрому, минут через десять, экипаж СВН. И пусть ждут нас, скажем, на перекрестке Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской. Объясни им, кого ждать. Как дождутся, пусть цепляются к «восьмерке», только очень осторожно и ювелирно. Пусть пасут ее. Хорошо бы узнать, что это за машина и кому принадлежит, но сделать это надо так, чтобы тот, кто в машине, об этом не догадался. Все понял? Действуй!

– Скор ты распоряжаться! – улыбнулся другу Гуров.

Но ничего из замысла Стаса Крячко не вышло. Не прошло и пяти минут после его разговора с оперативным дежурным, как бежевая «восьмерка» как-то незаметно отвалилась, точно растворилась в одном из московских переулков, выходящих на Кутузовский проспект.

– Понял, что мы засекали слежку? – задумчиво произнес Крячко.

Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос.

– Может, не было ничего? – засомневался Гуров. – Может, показалось нам?

– Ага, как же, показалось! – с ехидцей отозвался Станислав. – Когда кажется, креститься нужно, а мы с тобой как-то позабыли. Нет, Лева, нас пасли. И, вероятнее всего, от дома Покровского. Давай исходить из этого.

... Их действительно вели от дома Покровского. Человек, сидящий за рулем «восьмерки», жестко усмехнулся, небрежно припарковался и вышел из машины, не озаботившись даже тем, чтобы закрыть за собой водительскую дверцу. Машина все равно не его, а какого-то лопуха. Он давно, еще только начав наблюдение за домом Покровского, наметил себе эту машину, а вскрыть простейший замок, не потревожив примитивной сигнализации, было для него делом нескольких секунд. Так же как завести мотор без ключа, закоротив провода зажигания. Этот человек еще не такое умел...

Но вскоре злобноватая усмешка на его лице сменилась выражением глубокой озабоченности. Гуров, опять Гуров! Недооценивать полковника ни в коем случае нельзя, себе дорожке обойдется. Это ведь именно Лев Гуров требовал тогда, в давние времена, для него самого строгого суда и тюремного заключения. Чистоплюй, генеральский любимчик! И дружок гуровский, Крячко, активно подпевал. В тот раз обошлось...

Память услужливо подсказала ему то упоительное чувство абсолютной власти над другим человеком, которое он испытал тогда, которое чуть не привело его за колючую проволоку. Как же он бил тогда проклятого мерзавца! Тот посмел возражать ему, посмел сопротивляться!

Крюк правой в челюсть и одновременно прямой левый в солнечное сплетение. Ага, не понравилось?! Свалился, голубчик? Так это ж только начало!

Его сапоги крушили ребра ползающей у него в ногах твари, недостойной называться человеком. А теперь по печени ему! И еще разок. И еще. Дошло, негодяй, с кем ты осмелился спорить? Пощады просишь?! Не дождешься пощады!

Даже сейчас, спустя столько лет, вспоминать об этом было до сладкой дрожи приятно. Так, наверное, ощущает свое могущество бог, карающий строптивого грешника.

И он продолжал избивать уже потерявшего сознание негодяя, пока изо рта у того не пошла кровавая пена. Только тогда волшебный багровый туман всевластия и полной, окончательной правоты стал медленно рассеиваться перед его глазами. Что-то подобное – только сильнее! – он испытал позже, уже в Чечне.

Ах, негодяй остался инвалидом? Бедняжка... Пусть скажет спасибо, что вообще остался живым!

... Человек, который пять минут тому назад сидел за рулем угнанной «восьмерки», а сейчас спокойно шел по бульвару, встряхнул головой, отгоняя ненужные воспоминания. Да, в тот раз обошлось. А в этот?

Конечно, если бы он знал, что в дело вмешается Лев Гуров со своим неразлучным приятелем Стасом Крячко, он бы трижды подумал, стоит ли пускаться в эту авантюру. И, скорее всего, воздержался бы от нее, хоть случай представлялся исключительно удобный. Но кто ж мог предположить, что в друзьях у Виктора Покровского такие асы? Что он рискнет обратиться за помощью к ним? И ведь Покровский не нарушил поставленных ему условий. По крайней мере пока. Вряд ли Гуров настолько глуп и неосторожен, что будет заводить по похищению официальное дело. Беда в том, что, действуя неофициально, полковники Гуров и Крячко не менее опасны.

Он вновь с досадой встряхнул головой, на этот раз ярко и в деталях вспомнив события двухмесячной давности.

... Еще в тридцатых годах прошлого века на дальней тогда окраине Москвы, в Бибиреве, стали возникать небольшие дачные поселки. Участки под застройку там получали чиновники

средней руки из Наркомата тяжелой промышленности – птенчики Орджоникидзе, партийные функционеры невысокого ранга, невысокого же полета следователи НКВД и прочие верные слуги режима, стоящие на средних ступеньках иерархической лестницы. Дворцов, подобных загородным особнякам современных «новых русских», они, понятное дело, не возводили, не то было время. Строились скромно.

Сегодня эти уютные дачные оазисы оказались в городской черте разросшейся столицы, новая застройка там не ведется, но и отбирать участки у наследников сталинских гвардейцев московские власти не собираются.

Один из таких участков расположился у крохотного пруда, к самому берегу которого примыкал сад. В нем росли старые яблони, были разбросаны кусты смородины, по краям он густо зарос репейником, лебедой и краснушкой. В самой глубине сада, в окружении сливовых и вишневых деревьев, высилась чуть покосившаяся, но еще крепкая двухэтажная деревянная дачка, крытая шифером.

Стояло раннее весеннее утро. Ночная роса еще не сошла, и травы – сине-сиреневый мышиный стручок, голубые волны незабудок, малиновый дегтярник – стояли туманные. А в глубине кустов бересклета у ворот ограды, среди отстоявшихся прозрачных лужиц виднелся покрытый мелкими капельками пучок ландышей.

От берега пруда скользнула, на мгновение повиснув над травой, иволга. Тропическое оперение птицы сверкнуло в солнечных лучах, точно струйка огня. Иволга взмыла к верхушке яблони и закачалась на тоненькой ветке. На высокой ветле, выросшей у самой воды, кукушка завела счет чьим-то годам.

На длинной деревянной скамье у крылечка дачи сидели лицом друг к другу двое мужчин. Между ними на газете была рассыпана нехитрая закуска – черный хлеб, куски копченого сала и селедки, порезанные головки лука, соленые огурцы. Там же стояла початая литровка «Кристалла», два граненых стаканчика. Словом, скромно и без излишеств, хоть по уровню доходов могли эти двое наворачивать черную икру ложками, запивая ее коллекционным «Двином» четвертьвековой выдержки.

Мужчины вели неспешную и невеселую беседу.

Одним из собеседников был он, и именно тогда ему в голову пришла очень заманчивая идея. Лучше б не приходила, а теперь сделанного не воротишь, поезд ушел!

Значит, нужно максимально обезопасить себя. С двух сторон: со стороны Гурова и со стороны гм-м... его тогдашнего собеседника. А для этого один человек должен умереть, потому что только этот человек знает его истинную роль в происходящем и догадывается – может догадываться! – о его истинных целях. Этого человека придется убить, и сделать это должен он сам, не привлекая «помощников». Даже Славика, его он прибережет на крайний случай, тем более не пойдет Славик на убийство сотрудника той самой фирмы, где сам трудится. И не простого сотрудника! Тут даже прямой приказ не сработает... Придется самому. Что ж, крови он не боится, а убивать людей ему доводилось и раньше. Он сумеет соответствующим образом обставить эту смерть. И не затягивать!

Вот тогда, даже если дело провалится, можно будет обойтись минимальными потерями!

Хотя почему это оно провалится? Полковник Лев Гуров – не господь бог, а стержневая задумка по-прежнему крепка! Но что-то с Гуровым надо делать, необходимо хотя бы временно вывести его из игры. Беда в том, что полковник – ему ли не знать! – отличный сыщик. Уж если взялся за дело, то доведет его до конца, все ниточки распутает.

Из этого следует, что даже если игра выгорит, если все пойдет по плану, то можно серьезно поплатиться потом. Тем более что девчонку придется вернуть – а это какой след!

Но кто сказал, что полковник Гуров неуязвим?! Он что, Дункан Маклауд?! Много бывало таких крутых, которые нарывались на кого покруче!

Лучше бы всего, конечно, успокоить полковника Гурова раз и навсегда. Но это – из области мечтаний. Сколько раз пытались, и какие люди, да только ничего путного не получалось, как заговорен проклятый сыскарь! И сейчас навряд ли найдешь в московских криминальных кругах такого отморозка, который бы взялся за устранение Льва Гурова. Поискать исполнителя где-то на стороне, из залетных? Нет времени. И гарантии успеха, если даже найдешь, тоже нет. Гурова желательно обезвредить не позже завтрашнего вечера. Попытаться самому? Э-э, нетушки! Гуров – не Глеб Игоревич, которого завалить не так уж трудно. Гуров ему не по зубам.

Но почему непременно доходить до крайностей? Вполне достаточно, если полковнику помогут улечься в больницу на месяц-полтора. Если его слегка покалечат. А вот на такую акцию исполнителей найти не в пример проще, чем на кардинальный вариант. Тут серьезные ребята не нужны, достаточно бомжеватой шпаны, которая о Гурове не знает ничего, а потому его не боится. Да и расходы на найм будут существенно меньше. Завалить такого аса шпана, конечно же, не завалит – скорее Гуров парочку недоделков по асфальту размажет. Но! Покалечить могут, драка, она и есть драка... Кстати, об убийстве и речи не будет, закажем именно, чтобы покалечили. Тогда Лев Иванович из дела вылетает по причине расстройства здоровья. Вылетает и Крячко, будет в эмвэдэшный госпиталь дружбану апельсинчики с минералкой таскать. Да и не потянет он один, без Гурова.

А увязать нападение на себя отмороженных ублюдков с делом о похищении дочки Покровского не сможет даже Гуров, при всей своей проницательности! Кстати, можно и нужно пролегендироваться перед исполнителями. Мол, мужик, которого требуется избить до полусмерти, – любовник моей жены. Или, напротив, ревнивый муж. Это детали, их по ходу дела продумаем.

Где взять исполнителей? Ну, это не проблема! Как раз рядом с офисом имеется гниловатая пивнушка, там весь день всякие мерзкие типы крутятся. Дать штук десять задатка, пообещать столько же после выполнения работы... Отбоя от желающих не будет, они же за бутылку родную маму на мясозаготовку сдадут!

Так, а где отморозки Гурова встретят? Да хотя бы на подходе к дому. Значит, хорошо бы лишить Льва Ивановича колес, пусть пешочком походит. Он, помнится, любил пешие прогулки... Как это сделать? Ага, есть идея! Просто, изящно и не вызовет ненужных подозрений.

Но сегодня уже не успеть, да и другие дела на сегодня запланированы. Значит?

Значит, завтра.

...Человек, сорок минут тому назад угнавший бежевую «восьмерку» какого-то лопуха, повеселел и энергичной походкой продолжил свой путь по столичному бульвару.

Глава 5

Сергей проснулся почти перед самым рассветом. Стояла ватная тишина, которую нарушал только мерный звук капель, падающих из неплотно закрытого крана кухонной раковины. Этот звук пугал его, казался недобрый. После такого сна что угодно зловещим покажется!

Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к своему хриплому дыханию, к частому биению сердца. Он так вспотел, что простыня и наволочка стали по-настоящему мокрыми, хоть выжимай.

Ах, как замечательно было бы вновь провалиться в забытие! В настоящее, честное забытие, а не в кровавый ужас, из которого он только что вынырнул. Но нет, мешали обручем стягивающая лоб и затылок головная боль и жуткая жажда. «Пить, – думал он, – пить скорее! Но для того, чтобы напиться, придется вставать...» Он застонал, протянул дрожащую руку, стал шарить по тумбочке в поисках выключателя ночника, но только опрокинул ночник вместе с пепельницей, полной окурков. Пепельница и ночник со стуком свалились на пол.

Снова он лежал неподвижно в темноте и тишине, глядя на оконный переплет, крестом перечеркнутый тусклою утреннюю луну. Смотреть на этот крест почему-то было страшно до ознобной дрожи.

Чуть ли не впервые за последние пять лет он пожалел, что родителей нет дома, они вернутся с дачи только к завтрашнему вечеру. Ох, как неуютно одному! Хоть бы какое живое существо поблизости было – кошка, собака, попугайчик...

Через полчаса он все-таки встал с кровати. Судорожно хватаясь одной рукой за стенку, двинулся на кухню. Голова кружилась, перед глазами плавали цветные пятна. Ноги слушались плохо, они подламывались, точно у годовалого ребенка, делающего первые шаги.

На кухне он щелкнул выключателем и на мгновение ослеп от резкого электрического света. Сергей охнул и схватился руками за голову, которую точно раскаленной спицей проткнули. Из глаз брызнули слезы.

Переждав приступ острой боли, он подошел к раковине, открыл кран и, подставив рот, пил – долго и жадно, пока не почувствовал, как от холодной воды с отвратительным металлическим привкусом ломит зубы. С трудом оторвавшись от крана, он перевел дыхание, уселся на колченогую табуретку. Закурил, точнее, только попытался закурить.

Желудок тотчас отозвался на первую затяжку сильнейшим спазмом. Его мучительно вырвало прямо на пол, сначала только что выпитой водой, а затем желчью.

«Лимончику бы сейчас пососать, – тоскливо подумал он, восстанавливая дыхание и вытирая вновь хлынувшие слезы. – Маленький такой ломтик. Кисленький... Что-то мне совсем поганно, такого еще не припомню. Не склеить бы ласты, то-то смеху будет!»

И не вчерашняя выпивка виной такого плачевного состояния, отнюдь! Пил он редко, но мог выпить и куда больше безо всякого ущерба для здоровья. Это нервы, предельно расшатавшиеся за несколько последних дней. Да ведь если подумать, с какой это стати он вчера накачался в одиночку до полной отключки?! Да именно с той самой: чтобы отключиться. Ведь как гладко все было на этапе планирования: казалось, что все просчитано и никакой опасности нет и быть не может, задумана идеальная комбинация! Его бывший комвзвода, которого он по старой памяти называл Волчонком, истинный вдохновитель этой комбинации, убеждал его тогда:

– Не трусь, Сереженька! Даже если произойдет невероятное, прокол, то тебе ведь ничего не грозит, тебе даже статьи за мошенничество не припаяешь при всем желании. А деньги я тебе предлагаю прямо сейчас, вполне реальные и, заметь, немалые. Ты в чистом выигрыше! Считаю, что тебе просто повезло в жизни. И с тем, что мы с тобой встретились когда-то, и с тем, что я нашел тебя в Москве. Тем людям, которые мне нужны, я плачу не скупясь. Точнее, даю

возможность хорошо заработать. Запомни, кстати, на будущее: скупость есть признак невысокого интеллекта. Скупой платит дважды, и если бы только деньгами. Бывает плата серьезнее.

– Хочешь сказать, что и тебе ничего не грозит? – угрюмо поинтересовался он тогда.

– А при чем здесь буду я? Кто знает о моей роли, кроме тебя? Вот если узнают, тогда – да. В этом случае я оказываюсь под серьезным ударом. Но ты ведь не допустишь такой непоправимой ошибки? Очень не рекомендую... Ты ведь меня не понаслышке знаешь, ты меня в деле видел. Так что проводи агиткампанию и приходи ко мне за авансом. Что тебя смущает? Моральная сторона дела? Оставь, не поверю, не такой ты дурак. – О, этот змей-искуситель умел убеждать! Хотя на этот раз слишком долго ему трудиться не пришлось.

– Но зачем тебе это нужно? Не из чистой же благотворительности и желания облагодетельствовать своего бывшего подчиненного?!

– Конечно нет. Но твой вопрос преждевременный. В свое время узнаешь, зачем.

Узнал. Три дня тому назад. И то, что он узнал, резко меняло ситуацию, переводило ее в совсем иную плоскость, вот почему и нервы у него натянуты, как струны, так что приходится глушить сознание лошадиными дозами алкоголя. Но аванс-то он тогда взял? Еще бы, кто б на его месте отказался. Выходит, нужно отрабатывать... А ведь мог бы еще тогда, при первом разговоре, догадаться, где здесь собака зарыта и откуда ноги растут. Хоть он и сегодня был уверен, что узнал далеко не все.

Самое неприятное, что обо всем – ну, почти обо всем! – пронюхала Машка. Слежку, что ли, устроила? Или трепанул кто? Что-то Забалуев последние несколько дней подозрительно часто в дачном поселке появляется, не он ли Машке стукнул? А в результате – грандиозный скандал. Подруга боевая, век бы ее не видеть! Слишком боевая, да к тому же непредсказуемая, и остается только гадать, что она теперь, закусивши удила, предпримет.

Обычно он плохо помнил, что ему снилось, особенно после такой нехилой выпивки. А вот на этот раз сон вновь и вновь вставал перед внутренним взором. Тревожный сон, нехороший, кровавый... Желтый до рези в глазах песок бесконечной пустыни вокруг, и двое против друг друга, двое, мечтающие пролить на песок этой громадной безлюдной арены чужую кровь.

Ну конечно же! Желтое и красное. Кровь и золото. Его цвета.

Он дрался на мечях, дрался с Андрюшкой Трошиным. Ну какой из этого детсадовца фехтовальщик?! Это же курам на смех! Но это в реальности, а вот во сне тот оказался врагом коварным, опытным, опасным. И лицо у него было не таким, как в жизни: с резкими жесткими чертами и быстрыми глазами, полными решимости и отваги.

Они стояли друг напротив друга, чуть согнув колени и держа наготове свои мечи. Острия мечей смотрели в лица противников. Кто начнет?

– Умри! – громко, на выдохе, выкрикнул Андрей.

И атаковал из средней позиции с такой яростью и силой, что Сергей даже подскочил от неожиданности. Он сделал едва уловимое движение, укосом отбил меч врага вправо, но не удержался, отступил на два шага, разрывая дистанцию. Момент для контратаки был упущен. Он замер с мечом, поднятым высоко над головой, в верхней позиции. Трошин вновь атаковал, и в этот момент Сергей нанес удар! Он опустил меч вниз. Безуспешно! Андрей, уклонившись, поднял меч для замаха, но Сергей парировал и ударил по руке соперника. Снова мимо!

Но ведь так не бывает! В реальном бою он непременно попал бы!

А теперь атака справа. Сергей держал меч слева, чуть ниже пояса. Он парировал, нанес ответный удар, который был легко отбит. Чудеса в решете, бой, которого просто не может быть. Но, даже во сне, он чувствовал в руке знакомую тяжесть меча...

Теперь его ударили сверху. Блокируя, он ответил ударом в голову соперника. Тот ушел стремительным вольтом и, используя инерцию обратного движения, на развороте с силой хлестанул Сергея по животу. Меч Трошина с лязгом столкнулся с мечом Сергея. Да, в этом сне даже мечи звучали как наяву. И обжигающая боль, пронзившая его, когда клинок врага косо

прошелся по его туловищу, была до жути реальной! Густой струей ударила его кровь, из распоротого живота повалились дымящиеся внутренности. Он одновременно и чувствовал это, и смотрел как бы со стороны, точно глядел кино. Краешком – но только краешком! – сознания он понимал: это не взаправду, это сон, кошмарный сон, нужно просто скорее проснуться – и ужас кончится.

Но еще он понимал – там, во сне, – что ранен смертельно и спасения нет.

И тогда, на последнем предсмертном дыхании, уже не ощущая рукой рукояти оружия, он сделал выпад. Точнее, просто повалился на врага, направив немислимым усилием свой клинок вперед и вверх. И наконец попал после стольких промахов и неудач! Его меч пронзил горло Андрея так легко, точно это было не человеческое тело, а клочок бесплотного тумана. Снова все не по правилам, мечом положено рубить, а не колоть, это же не шпага! Но у снов своя логика... Окровавленное лезвие вышло из шеи Андрея прямо под затылком, из перерезанного горла брызнуло яростным жарким кармином.

– Убийца! – услышал он сдавленный хрип врага, хотя не может человек хрипеть с мечом в горле.

И проснулся.

Он не верил в вещие сны. Но ощущение надвигающейся опасности, сжимающегося кольца почему-то усилилось чрезвычайно, до болезненной степени. Проще говоря, стало очень страшно.

«Какой я убийца? – мрачно подумал он. – Не хотел и не хочу никого убивать! Там, в горах? Ну, там просто: не ты, так тебя. А так... Не возникало у меня таких кровожадных желаний!»

«Это потому, – ехидно перебил его внутренний голос, который оказался сейчас до странности похожим на голос Андрюшки Трошина, – что тебя еще жареный петух в известное место не клевал! А коли клюнет? Что тогда? Может ведь и клюнуть, к тому дело идет, добром эта милая затея не кончится. Как будешь возникшие проблемы решать, исключительно мирными, ненасильственными способами? Ну-ну... Что до желаний... А на полигоне, в игре? Тоже не возникало? Как еще возникало-то!»

«Так то на полигоне, – вяло возразил он самому себе. – На то игра! Хотя не в дочки-матери играем, это тоже верно. Крыша у меня поехала: сам с собой в споры вступаю. Вот так шизофрения и начинается».

Мысль об игре, о полигонах повлекла за собой целый ряд воспоминаний, одно – совсем недавнее. Они тогда ездили под Битцу, искать площадку под давно задуманную «Свадьбу Оберона и Титании». Нашли быстро. Почти там же, где недавно «Последний шаг» отыгрывали.

Когда-то здесь было верховое болото, неглубокое и неопасное, плотно заросшее сфагновым мхом. Затем болото пересохло, заросло мелколесьем: молодым березняком, осинками и ольхой. Меж молодыми деревцами густо разросся кустарник – лещина, бересклет. В кустарнике стеной стояли пахучая таволга и шпажник, виднелись белые колокольчики купавы. Тихо, безлюдно и очень красиво. Это место, казалось, принадлежит не Земле, а таинственному сказочному миру старинных саг и преданий. Или миру Профессора. Вот сейчас из лесных зарослей появится на белом единороге молодая и прекрасная принцесса лесных эльфов, ударит по струнам своей лютни и запоеет песню чар и колдовства. Перелесок пересекала узкая, едва заметная тропинка.

Лесная стежка нырнула в густые заросли ежевики. Ягоды так и светились на солнце вишневым огнем. Это было по-настоящему волшебно. Тропинка выводила на небольшую овальную опушку, заросшую по краям молодым ольшаником и лещиной, кустами бересклета, увешанными похожими цветом на кораллы нежно-розовыми ягодами. Лучшего места и представить было нельзя! Где еще сочтется браком королю эльфов Оберону с прекрасной Титанией, как не в таком лесном зале, щедро украшенном самой природой?

Но сейчас, под влиянием тревожного настроения, жуткого сна, перетянутых нервов, ему вспомнилось и кое-что другое из этого дня. Мимолетное впечатление, которое, оказывается, засев в глубинах памяти, ждало своего часа. Дел на площадке, где решили разыграть «Свадьбу», было много, так что уезжали они поздно, под самый конец длинного летнего дня.

Темное небо на востоке уже начало покрываться первыми робкими звездами, среди которых светила мутно-красным немигающая точка Марса. На другом, западном, краю горизонта сквозь разрывы светящихся темной медью заката облаков в густеющую синеву неба уткнулись громадные ало-багровые клинки лучей заходящего солнца. Солнечный диск опускался все ниже, и облака меняли цвет, наливались зловещей краснотой, предвещая на завтра ветреную погоду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.